

РИЧАРД ДОКИНЗ

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Richard Dawkins', written in a cursive style.

RICHARD
DAWKINS
AN APPETITE
FOR WONDER
THE MAKING OF A SCIENTIST

A MEMOIR

РИЧАРД
ДОКИНЗ
НЕУТОЛИМАЯ
ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ:
КАК Я СТАЛ УЧЕНЫМ

ВОСПОМИНАНИЯ

Перевод с английского
канд. биол. наук
Петра Петрова

УДК 57:929 Докинз Р.

ББК 28г Докинз Р.

Д63

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Докинз, Ричард

Д63 Неутолимая любознательность. Как я стал ученым / РИЧАРД ДОКИНЗ ; пер. с англ. П.Н. Петрова. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2018. — 368 с.

ISBN 978-5-17-103554-9

Издание представляет собой первую часть автобиографии известного этолога, биолога и выдающегося популяризатора науки Ричарда Докинза. Книга включает в себя не только описание первой половины жизни (как пишет сам автор) ученого, но и чрезвычайно интересные факты семейной хроники нескольких поколений семьи Докинз. Прекрасная память автора, позволяющая ему поделиться с нами захватывающими дух событиями своей жизни, искрометное чувство юмора, откровенно переданная неподдельная любовь и благодарность близким доставят истинное удовольствие и принесут немало пользы поклонникам этого выдающегося человека.

УДК 57:929 Докинз Р.

ББК 28г Докинз Р.

ISBN 978-5-17-103554-9

- © Richard Dawkins, 2013
- © П. Петров, перевод на русский язык, 2018
- © А. Бондаренко, оформление, 2018
- © ООО “Издательство АСТ”, 2018
- Издательство CORPUS ®

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЕНЫ И ПРОБКОВЫЕ ШЛЕМЫ	13
ВСЛЕД ЗА АРМИЕЙ В КЕНИИ	41
СТРАНА ОЗЕРА	57
ОРЕЛ В ГОРАХ	79
ПРОЩАНИЕ С АФРИКОЙ	89
ПОД ШПИЛЕМ СОБОРА В СОЛСБЕРИ	101
“МАЛЫЙ СРОК ОТПУЩЕН ЛЕТУ”	129
ШПИЛЬ У РЕКИ НИН	141
“ДРЕМЛЮЩИЕ ШПИЛИ” ОКСФОРДА	175
ОБУЧЕНИЕ РЕМЕСЛУ	201
ВРЕМЯ МЕЧТЫ НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ	241
ДЕЛА КОМПЬЮТЕРНЫЕ	253
ГРАММАТИКА ПОВЕДЕНИЯ	285
БЕССМЕРТНЫЙ ГЕН	303
ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ	337
Благодарности	347
Источники цитат	348
Источники иллюстраций	350
Предметно-именной указатель	352

*Моим матери и сестре,
которые были со мной все эти годы,
и памяти моего отца,
которого нам всем
так не хватает.*

*Владельцы поместья
Овер-Нортон-Парк:*

.....
член парламента
ДЖЕЙМС ДОКИНЗ
(1696–1766)
дядя -----

член парламента
ГЕНРИ ДОКИНЗ
(1728–1814)

— леди Джулиана
КОЛЬЕР

генерал сэр ГЕНРИ
КЛИНТОН (1738–1795)

ГЕНРИ ДОКИНЗ — ОГАСТА КЛИНТОН
(1765–1852)

ГЕНРИ ДОКИНЗ

КЛИНТОН ДЖОРДЖ ОГАСТЕС ДОКИНЗ,
поощаженный пушечным ядром (1808–1871)

ФРЭНСИС ГЕНРИ
ДОКИНЗ

сэр КЛИНТОН
ЭДВАРД ДОКИНЗ

полковник УИЛЬЯМ
ГРЕГОРИ ДОКИНЗ
(1825–1914)
двоюродный дедушка

майор ХЕРЕВАРД
ДОКИНЗ
*четвероюродный
брат* -----

доктор ДЖЕЙМС УЭРН

доктор УОЛТЕР УЭРН

ЭТЕЛЬ
УЭРН

КОННИ
УЭРН

— АЛАН УИЛФРЕД
(БИЛЛ) ЛЭДНЕР

(КЛИНТОН) — ДЖИН МЭРИ
ДЖОН ДОКИНЗ ВИВИАН ЛЭДНЕР

(КЛИНТОН) — (1) МЭРИАН СТЭМП
РИЧАРД ДОКИНЗ

— (2) ИВ БАРЕМ

— (3) (САРА) ЛАЛЛА УОРД

ДЖУЛЬЕТ ДОКИНЗ

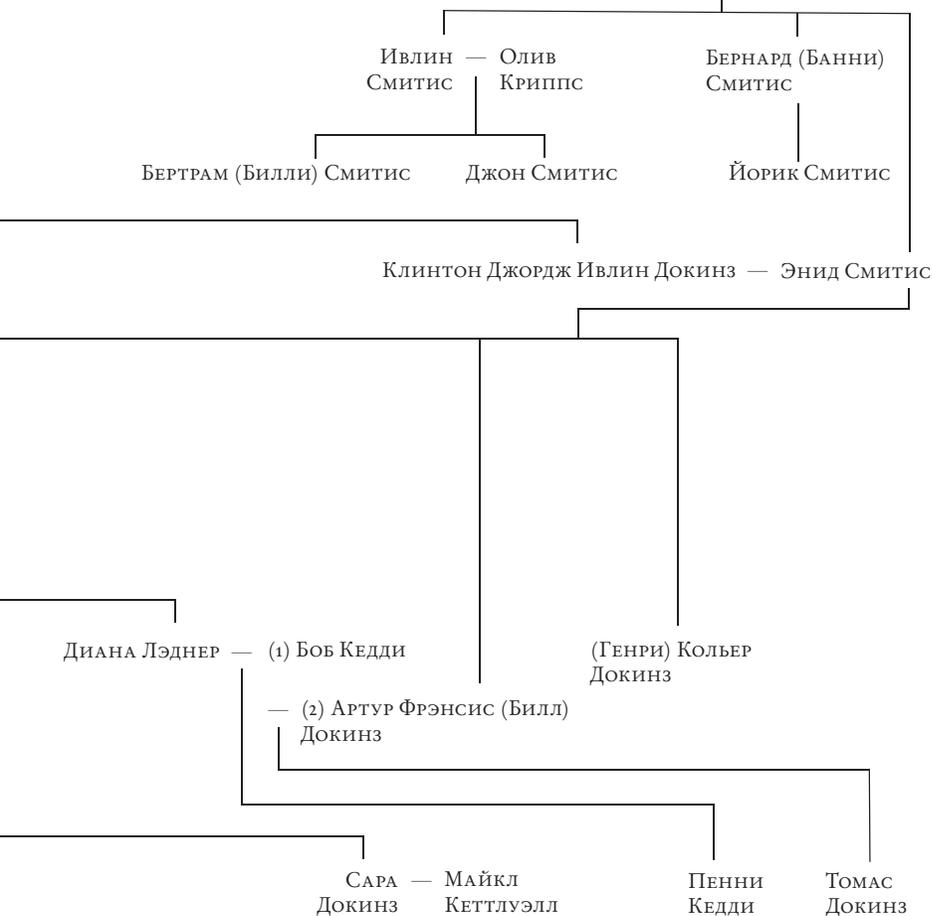
*Звонящий ветер жизни
Принес меня, я здесь.*

АЛЬФРЕД ЭДВАРД ХАУСМАН,
“Шропширский парень”

преподобный Уильям
Смитис (1592–1653)

.....
семь поколений англиканских
приходских священников
.....

Артур Смитис

ГЕНЫ
И ПРОБКОВЫЕ
ШЛЕМЫ

“**П**риятно познакомиться, Клинт!” Дружелюбный работник паспортного контроля не знал, что в двойных именах британцев первое имя может быть родовым, а называть человека станут по второму имени. Имелось в виду, что я буду зваться Ричард, подобно тому, как моего отца всегда называли Джон. О нашем первом имени, Клинтон, мы почти не вспоминали, как это и предполагалось нашими родителями. Я воспринимал его как досадную мелочь, без которой мне было бы легче жить (несмотря на то, что благодаря этому имени, как меня однажды осенило, мои инициалы совпадают с инициалами Чарльза Роберта Дарвина*). Но никто, увы, не предвидел неприятностей, связанных с требованиями министерства внутренней безопасности США. Для него оказалось недостаточным сканировать нашу обувь и нормировать объем ввозимой зубной пасты — оно предписало всем въезжающим в страну путешествовать под своим первым именем, точно так, как оно записано в паспорте. Поэтому, покупая билеты в Штаты, мне пришлось отказаться от своего привычного имени Ричард и выступить под псевдонимом Клинтон Р. Докинз. Этот псевдоним, разумеется, нужно было использовать и при заполнении некоторых важных анкет, как, к примеру, та, в которой от вас требуют однозначно опровергнуть, что вы приехали в США для вооруженного

* C.R.D.: Clinton Richard Dawkins и Charles Robert Darwin. — Здесь и далее, если не указано иное, звездочками отмечены примечания переводчика.

свержения конституционного строя. (Британский телеведущий Гилберт Хардинг в свое время написал: “Это единственная цель моего визита”, хотя в наши дни за такие шуточки можно угодить за решетку.)

Итак, в свидетельстве о рождении и паспорте я записан как Клинтон Ричард Докинз, а моего отца звали Клинтон Джон Докинз. Так случилось, что он был не единственным К. Докинзом, упомянутым в “Таймс” в связи с тем, что в марте 1947 года в частной больнице Эскотин в Найроби у него родился сын. Другим был преподобный Катберт Докинз, англиканский миссионер и нам не родственник. Моя мать была озадачена потоком поздравлений, которые стали приходить из Англии от епископов и других духовных лиц, ей незнакомых, но любезно призывавших Божье благословение на ее новорожденного сына. Не знаю, помогли ли мне благословения, направленные не по адресу и предназначавшиеся сыну Катберта, но он пошел по стопам своего отца и стал миссионером, а я пошел по стопам своего и стал биологом. Мама до сих пор шутит, что нас могли перепутать в роддоме. Меня радует, что далеко не только внешнее сходство с отцом убеждает меня, что я все-таки его сын и не был предназначен для церковной стези.

Имя Клинтон впервые стало родовым именем Докинзов, когда мой прапрапрадед Генри Докинз (1765–1852) женился на Огасте, дочери сэра Генри Клинтона (1738–1795), генерала и главнокомандующего британских вооруженных сил в 1778–1782 годах, на котором лежит часть ответственности за поражение Великобритании в Войне за независимость США. Учитывая обстоятельства этой женитьбы, со стороны Докинзов казалось довольно дерзким присвоить себе имя Клинтона в качестве родового. Вот что записано о женитьбе в хрониках улицы Грейт-Портленд, на которой жил генерал Клинтон:

В 1788 году его дочь сбежала с этой улицы в наемном экипаже с мистером Докинзом, который избавился от погони, послав пол-

дюжины других наемных экипажей от разных углов улицы со стороны Портленд-плейс с указаниями ехать как можно быстрее в разных направлениях...¹

Мне хотелось бы притязать на то, что это украшение нашего фамильного герба послужило источником вдохновения для Стивена Ликока, чей лорд Рональд "...бросился на своего коня и сумасшедшим галопом ускакал во все стороны"*.

Мне также хотелось бы думать, что я унаследовал от Генри Докинза часть его находчивости, не говоря уже о его пылкости. Однако это маловероятно, поскольку мне досталась от него лишь 1/32 моего генома. От генерала Клинтона мне досталась 1/64, и никаких военных наклонностей я никогда не проявлял. "Тэсс из рода д'Эрбервиллей", "Собака Баскервилей" и многие другие художественные произведения описывают наследственные "атавизмы", доставшиеся от далеких предков, не учитывая, что доля общих с предком генов уменьшается вдвое с каждым поколением и, таким образом, снижается экспоненциально (точнее, снижалась бы экспоненциально, если бы не родственные браки, которых оказывается тем больше, чем более далеких родственников мы учитываем, так что все мы приходимся друг другу в той или иной степени родней).

Примечательно, что если бы мы отправились на машине времени в достаточно далекое прошлое, то все люди, которых мы бы там встретили, при условии, что у них вообще остались в наше время потомки, были бы предками всех живущих сегодня людей. В этом можно удостовериться, не вставая с места. Если двигаться назад во времени, настанет момент, когда любой человек будет предком либо всех, либо никого из людей, живущих в 2013 году**. Если воспользоваться методом доказа-

¹ Н. В. WHEATLEY, P. CUNNINGHAM. *London Past and Present* (London: Murray, 1891), vol. 1, p. 109. Здесь и далее цифрами отмечены примечания автора.

* Стивен Ликок. *Гувернантка Гертруда, или Простодушие семнадцатилетней*. Пер. с англ. А. Вышемирского.

** Год выхода английского издания этой книги.

тельства от противного, который так любят математики, можно убедиться, что это же должно относиться и к тем девонским рыбам, от которых мы произошли (моя рыба-предок должна быть той же самой, что и ваша, потому что в противном случае получалось бы, что потомки моей рыбы целомудренно воздерживались от связей с потомками вашей и все же за 300 миллионов лет сохранили способность иметь от них детей). Вопрос только в том, как далеко нужно обратиться назад во времени, чтобы начало выполняться это условие. Ясно, что для этого не обязательно возвращаться к нашим девонским прародителям — так к кому же необходимо вернуться? Не буду утомлять вас подробными расчетами, но сообщу, что если королева Елизавета II — потомок Вильгельма Завоевателя, то и вы, вполне вероятно, его потомок (мне, например, если закрыть глаза на возможных незаконнорожденных предков, точно известно, что я его потомок, как известно это почти всем, кто знает свое генеалогическое древо).

Сын Генри и Огасты — Клинтон Джордж Огастес Докинз (1808–1871) — был одним из немногих Докинзов, действительно пользовавшихся именем Клинтон. Если он и унаследовал от своего отца что-то вроде его пылкости, то чуть не лишился ее в 1849 году в ходе артобстрела австрийскими войсками Венеции, где служил британским консулом. У меня хранится пушечное ядро, установленное на подставке с надписью на латунной табличке. Не знаю, кто автор выгравированных на ней слов и насколько они достоверны, но если уж зашла о них речь, то вот они в моем переводе (с французского, который был тогда языком дипломатии):

Однажды ночью, когда он лежал в своей постели, его одеяло было пробито пушечным ядром, которое прошло у него между ног, но, по счастью, не нанесло серьезных травм. Поначалу я считал эту историю выдумкой, пока не убедился, что это чистая правда. Когда его швейцарский коллега встретился с ним

впоследствии на похоронах американского консула и спросил об этом случае, тот со смехом подтвердил, что так и было, и сообщил, что именно поэтому теперь хромает.

Детородные органы моего предка едва не погибли от ядра задолго до того, как он применил их по назначению, и было бы забавно считать, что я обязан своим существованием лишь счастливой баллистической случайности: что, если бы ядро прошло на несколько дюймов ближе к развилке шекспировской редьки?*

Но на самом деле своим существованием и я, и вы, и кто угодно другой обязан куда более внушительной череде счастливых случайностей, связанных с точным временем и местом всех событий с момента возникновения Вселенной. Казус с пушечным ядром — лишь одно из ярких проявлений общей закономерности. В свое время я сформулировал это так: если бы второй динозавр слева от высокого саговника не чихнул и сумел поймать похожего на землеройку крошечного предка всех млекопитающих, никого из нас не было бы на свете. Мы все можем считать свое существование совершенно невероятным. И все же мы существуем, как некое ретроспективное чудо.

Сын Клинтона Джорджа Огастеса Докинза, пощаженного пушечным ядром, Клинтон (впоследствии — сэр Клинтон) Эдвард Докинз (1859–1905) был одним из многих Докинзов, учившихся в Баллиол-колледже Оксфордского университета. Именно в те годы преподаватели и студенты Баллиол-колледжа были увековечены в стихах, напечатанных в 1881 году на листе большого формата, озаглавленном “Маскарад в Баллиоле”. В весенний семестр того года семеро студентов колледжа сочинили и опубликовали серию язвительных эпиграмм на разных людей, связанных с Баллиолом. Самая знаменитая из них посвящена

---

* Слова Фальстафа из второй части “Генриха IV”: “... а когда он раздевался, он напоминал двухвостую редьку-раскоряку с пририсованной сверху головой” (пер. Б. Пастернака).

выдающемуся мастеру* колледжа Бенджамину Джауэтту и принадлежит перу Генри Чарльза Бичинга, ставшего впоследствии деканом Нориджского собора:

Знаю я, хоть знаний нет:
Я здесь главный, Джауэтт.
Все мне ведомо заранее,
Что не знаю, то не знания**.

Клинтону Эдварду Докинзу посвящена не столь остроумная, но интригующая меня эпиграмма:

Докинз — господин речистый,
Как и все позитивисты.
Бог им — прошлогодний снег,
С большой буквы — Человек.

В викторианскую эпоху вольнодумцы встречались далеко не так часто, и мне жаль, что я не успел родиться при жизни своего двоюродного прадеда Клинтона (хотя ребенком я застал бывших уже в весьма почтенном возрасте двух его младших сестер, одна из которых называла своих служанок по фамилиям — Джонсон и Харрис, — что, помнится, меня удивляло). И в чем, интересно, проявлялась его речистость?

Должно быть, именно сэр Клинтон впоследствии оплачивал обучение моего деда, а своего племянника Клинтона Джорджа Ивлина Докинза в Баллиоле, где тот занимался, кажется, преимущественно греблей. На одной из фотографий, замечательно передающей дух Оксфорда эдвардианской эпохи в разгар лета (см. вставку), запечатлен мой дед, готовящийся к на-

* Мастер (*master*) — глава некоторых колледжей в Оксфорде и ряде других университетов.

** Перевод стихотворений выполнен Петром Петровым, если не указано иное. — *Прим. ред.*

чалу соревнования по гребле. Сцена, которую мы видим, как будто сошла со страниц романа Макса Бирбома “Зулейка Добсон”. Зрители в шляпах стоят на палубе баржи, принадлежащей колледжу и служащей плавучим навесом для лодок. Кое-кто еще помнит времена, когда в распоряжении гребцов каждого колледжа была такая баржа. Увы, теперь их заменили добротными кирпичными навесами на берегу. (Одна или две баржи еще остались на плаву — или хотя бы на мели — и теперь служат плавучими домами отдыха в речных заводях в окрестностях Оксфорда, среди камышниц и чомг.) Деда трудно не узнать, так похожи на него двое его сыновей: мой отец и мой дядя Кольтер. Меня всегда увлекало семейное сходство, хотя оно и быстро исчезает с приходом новых поколений.

Мой дед был патриотом Баллиола и сумел задержаться там намного дольше обычного срока (подозреваю, что исключительно ради гребли). Когда я навещал его, уже сам будучи студентом, колледж был основной темой наших разговоров, и дед неоднократно спрашивал меня, по-прежнему ли у нас в ходу сленг эдвардианских времен (и я неоднократно вынужден был отвечать, что нет): *Mugger* вместо *Master*, *wagger pagger* вместо *wastepaper basket* (“корзина для бумаг”), *Maggers’ Memogger* вместо *Martyrs’ Memorial* (Мемориал мучеников — известный памятник в виде креста, установленный перед Баллиолом в честь трех англиканских епископов, сожженных заживо в Оксфорде в 1555 году за приверженность неправильной разновидности христианства).

Одно из моих последних воспоминаний о дедушке связано с ежегодным обедом выпускников Баллиола (на котором каждый раз чествуют выпуск определенного года), куда я сам его привел. Когда он оказался среди старых товарищей, передвигавшихся с помощью ходунков и увешанных слуховыми рожками и пенсне, один из них узнал его и воскликнул с нескрываемым сарказмом: “Привет, Докинз! Ты еще не завязал с греблей?” Мой дед выглядел немного потерянным, когда я оставил его в кругу этих древних старцев, в числе которых наверняка бы-

ли и ветераны Англо-бурской войны, то есть именно те, кому Хилэр Беллок посвятил свое знаменитое стихотворение “Тем сынам Баллиола, кто еще в Африке”:

В те годы, когда я был в Баллиоле,
Сыны Баллиола, и я в их числе,
Переплывали реки зимою,
Боролись в жару на горячей земле.
Мы носим его с той поры в своем сердце,
Когда он, еще не раскрывшийся нам,
Но всеми уже беззаветно любимый,
К себе призвал нас и выбрал сам.
Он был нам домом и дал оружие:
Скитальца сердце, ребенка взор,
Уменье смеяться в зубах мироздания
И жажду смотреть на опасность в упор.

Я создан, я вскормлен, возвращен Баллиолом,
И он нам, и мы ему были нужны.
Мы стали собою, пройдя его школу.
Бог помощь всем вам, Баллиола сыны!

Мне было непросто читать эти строки в 2011 году на похоронах своего отца и в 2012 году на Всемирном съезде атеистов в Мельбурне, где я выступал с речью памяти Кристофера Хитченса, еще одного сына Баллиола. Непросто потому, что даже в более радостных ситуациях, когда я читаю любимые стихи, у меня до обидного легко наворачиваются слезы на глаза, а это стихотворение Беллока для меня одно из самых слезоточивых.

Покинув Баллиол, мой дедушка, как и многие другие представители нашей семьи, сделал себе карьеру на службе в колониальной администрации. Он стал хранителем лесов одного из районов Бирмы, где провел немало времени в отдаленных уголках лесного массива, надзираая на лесозаготовках за тяжелой работой

отлично выдрессированных слонов. Где-то в глуши тиковых деревьев он был и в 1921 году, когда получил известие (доставленное бегуном с расщепленной палкой — по крайней мере, в моем воображении это выглядит так) о рождении его младшего сына Кольера (названного в честь леди Джулианы Кольер, матери предпринимчивого Генри, с которым сбежала Огаста Клинтон). Он был так взволнован, что не стал дожидаться транспорта и преодолел 50 миль, отделявших его от жены Энид, на велосипеде. Увидев новорожденного, он с гордостью заключил, что у мальчика “докинзовский нос”. Специалисты по эволюционной психологии давно заметили, что сходству с отцом уделяется больше внимания, чем сходству с матерью, очевидно в связи с тем, что отцовство может вызывать куда больше сомнений, чем материнство.

Кольер был младшим, а Джон (мой отец) — старшим из трех братьев. Все они родились в Бирме и в детстве передвигались по джунглям в плетеных детских кроватках-корзинках, подвешенных к палкам, которые закреплялись на плечах верных носильщиков. Впоследствии все трое пошли по стопам отца и тоже стали работать в колониальной службе, но уже не в Бирме, а в трех разных частях Африки: Джон — в Ньясаленде (теперь Малави), средний брат Билл — в Сьерра-Леоне, а Кольер — в Уганде. Билл был крещен как Артур Фрэнсис — в честь обоих своих дедушек, но его всегда звали Биллом, поскольку в детстве он напоминал ящерку Билла из “Алисы в Стране чудес”. Джон и Кольер в молодости были так похожи, что Джона однажды остановили на улице и спросили: “Это вы или ваш брат?” (То был реальный случай, чего, по-видимому, нельзя сказать о знаменитой истории про Уильяма Арчибалда Спунера, единственного директора моего нынешнего оксфордского колледжа, чье имя удостоилось собственного “изма”^{*}: рассказывают, будто, встретив во дворе колледжа одного молодого человека, Спунер спросил его: “Слушайте, я никак не запомню, кто из вас

* Спунеризм — оговорка или игра слов, при которой слова “обмениваются” соответствующими звуками или частями (“нельзя ли у трамвала вокзай остановить” и т. п.).

погиб на войне, вы или ваш брат?») С возрастом, как мне кажется, больше походить друг на друга (и на своего отца) стали Билл и Кольтер, а Джон все сильнее отличался от них. Я интересуюсь семейным сходством, в частности, и по этой причине: оно нередко возникает и пропадает с годами. Не стоит забывать, что действие генов можно наблюдать на протяжении всей жизни, а не только в ходе развития зародыша.

У трех братьев не было ни одной сестры, к огорчению моих бабушки и дедушки, которым хотелось назвать своего младшего ребенка Джулианой в честь леди Джулианы Кольтер, — и в итоге пришлось дать младшему сыну имя по ее благородной фамилии. Все три брата оказались одаренными людьми. Самым успешным в учебе был Кольтер, а самым спортивным — Билл: обучаясь впоследствии в той же школе, что и он, я с гордостью нашел его имя в списке лучших учеников, где Билл значился рекордсменом школы по бегу на сто ярдов. Способности бегуна на короткие дистанциигодились ему впоследствии при игре в регби и в начале Второй мировой войны помогли заработать для армейской команды впечатляющий тачдаун в игре против британской национальной сборной. Мне не досталось ничего от спортивных способностей дяди Билла, но зато приятно думать, что научному мышлению я научился у отца, а умению доходчиво излагать научные данные — у дяди Кольтера. Вернувшись в Англию из Уганды, Кольтер стал работать в Оксфорде, где преподавал статистику биологам и добился блестящих успехов в этом непростом деле. Он умер слишком рано, и одна из моих книг — «Река, текущая из рая» — открывается следующим посвящением:

Памяти Генри Кольтера Докинза (1921–1992), сотрудника Сент-Джонс-колледжа Оксфордского университета и большого мастера понятно объяснять.

Первым умер младший брат, а последним — старший. Мне очень не хватает их всех. Когда в 2009 году в возрасте 93 лет скончался

мой дядя и крестный отец Билл, я произнес речь на его похоронах¹. В этой речи я попытался донести до слушателей, что, хотя в службе британской колониальной администрации было много плохого, лучшее в ней было поистине очень хорошим и Билл, как и оба его брата, а также Дик Кеттлуэлл, о котором здесь еще пойдет речь², были представителями этого лучшего.

Выбрав работу в колониальной службе, трое братьев пошли по стопам не только отца, но и родни по материнской линии. Их дед со стороны матери, Артур Смитис, был главным хранителем лесов одного из районов Индии, а его сын Ивлин стал главным хранителем лесов Непала. Именно Ивлин, с которым мой дед подружился, когда они оба изучали лесоводство в Оксфорде, познакомил его со своей сестрой Энид, ставшей впоследствии женой деда. Ивлин Смитис был автором известной монографии “Лесные богатства Индии” (1925), а также нескольких классических трудов по филателии. Его жена Олив, как это ни грустно, любила охотиться на тигров и опубликовала книгу под названием “Тигриная леда”. На одной из фотографий она стоит в пробковом шлеме на трупе тигра, а ее муж с гордостью похлопывает супругу по плечу. Подпись гласит: “Молодец, жenuшка!” Не думаю, что мне понравилась бы эта дама.

Неразговорчивый двоюродный брат моего отца Бертрам (Билли) Смитис, старший сын Олив и Ивлины, тоже работал в лесном хозяйстве — в Бирме, а затем в Сараваке — и написал два классических труда по орнитологии: “Птицы Бирмы” и “Птицы Борнео”. Последняя книга стала чем-то вроде библии для писателя-путешественника Редмонда О’Хэнлона (который, напротив, вовсе не отличался неразговорчивостью) в ходе его совместного с поэтом Джеймсом Фентоном путешествия, с юмором описанного в издании “К сердцу Борнео”.

Младший брат Бертрама Джон Смитис отступил от семейной традиции и стал выдающимся исследователем в области

1 См. онлайнное приложение к этой книге: <https://richarddawkins.net/afw/>.

2 И о котором я написал некролог (см. то же онлайнное приложение).

нейронауки, специалистом по шизофрении и психоделическим препаратам. Живя в Калифорнии, именно он, как считается, вдохновил в свое время Олдоса Хаксли на эксперименты с мескалином и прочищение “дверей восприятия”. Я недавно обратился к нему за советом, принимать ли любезное предложение одного моего друга попробовать под его присмотром ЛСД, и получил совет не делать этого. Другой двоюродный брат моего отца — Йорик Смитис — был преданным учеником философа Витгенштейна, записавшим многое с его слов¹. Питер Конради утверждает в биографии писательницы Айрис Мёрдок, что именно Йорик послужил прототипом “доморощенного философа” Хьюго Белфаундера, персонажа ее романа “Под сетью”, но я должен сказать, что найти сходство между Йориком и Хьюго не так уж просто.

Йорик хотел стать кондуктором в автобусе, но, как отмечает писательница, оказался единственным человеком в истории автобусной компании, не сумевшим сдать даже теорию. <...> Инструктор отказался продолжать первый и единственный для Йорика урок вождения и вышел из машины, увидев, как тот раз за разом заезжает на тротуар.

Не сумев выучиться на кондуктора и отказавшись по совету Витгенштейна (как и большинство других его учеников) от профессиональных занятий философией, Йорик устроился библиотекарем на отделение лесоводства Оксфордского университета. Этим, вероятно, и ограничилась его связь с семейной традицией. Он был эксцентричным человеком, пристрастился к нюхательному табаку и католицизму и впоследствии трагически погиб.

Артур Смитис, дед двоюродных братьев Докинзов и Смитисов, стал, по-видимому, первым представителем нашей се-

1 <http://wittgensteinrepository.org/agora-alws/article/view/2448/2620>.

мы, работавшим в Британской империи на государственной службе. Все его предки по отцовской линии, начиная с прапрапрапрадеда, преподобного Уильяма Смитиса, родившегося в 1635 году, в течение шести поколений были англиканскими священниками. Вполне вероятно, что, живи я в те времена, я тоже мог бы стать священником. Меня всегда интересовали те глубинные вопросы бытия, на которые религия пытается дать ответ (хотя и безуспешно), но, по счастью, я живу в век, когда на такие вопросы даются научные ответы, не отсылающие к сверхъестественному. Сам мой интерес к биологии связан преимущественно с увлечением проблемами происхождения и природы жизни, а не с любовью к естествознанию, как у большинства молодых биологов, которых мне доводилось учить. В каком-то смысле я даже предал семейную традицию посвящать жизнь полевой работе и непосредственному изучению природы. В кратких воспоминаниях, опубликованных в свое время в антологии автобиографических очерков этологов, я писал:

Я должен был стать юным натуралистом. У меня были для этого все основания: не только идеальная первозданная среда тропической Африки, но предположительно и гены, идеально подходящие для ее увлеченного изучения. Загорелые ноги Докинзов нескольких поколений шагали в шортах цвета хаки по джунглям Британской империи. Подобно своему отцу и двум его младшим братьям, я чуть ли не родился с пробковым шлемом на голове¹.

Надо сказать, что, когда дядя Кольер впервые увидел меня в шортах (сам он регулярно ходил в таких же штанах, но подерживаемых двумя ремнями), он воскликнул: “Боже, да у тебя настоящие докинзовские коленки!” Как я писал в тех же вос-

---

¹ Growing up in ethology, chapter 8 // L. DRICKAMER, D. DEWSBURY, eds. *Leaders in Animal Behavior*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

поминаниях про дядю Кольера, худшее, что он мог сказать про молодого человека, было:

“За всю жизнь ни разу не побывал на молодежной турбазе”. Вынужден признать, что эти слова осуждения по-прежнему относятся и ко мне. Можно сказать, что я с юных лет предал традиции своей семьи.

Родители всячески поощряли мой интерес к живой природе. Они знали все цветы, которые можно найти и на обрывистых берегах Корнуолла, и на альпийских лугах, а отец дополнительно развлекал нас с сестрой, называя эти растения по-латыни (дети обожают звучание слов, даже если не понимают их смысла). Вскоре после переезда в Англию я испытал настоящее унижение, когда мой дед, высокий, красивый джентльмен, к тому времени вышедший на пенсию и вернувшийся из лесов Бирмы, указал мне на синицу-лазоревку за окном и спросил, знаю ли я, кто это. Я не знал и позорно пробормотал: “Зяблик?” Дед был возмущен. В семье Докинзов такое невежество было равносильно незнанию, кто такой Шекспир. “Боже мой, Джон, — я никогда не забуду ни этих слов деда, ни слов оправдания, тут же сказанных моим отцом, — неужели это *возможно?*”

Справедливости ради нужно заметить, что тогда я только-только впервые ступил на землю Англии и что ни лазоревки, ни зяблики не встречаются в Восточной Африке. Но так или иначе, я поздно увлекся наблюдением за животными в природе и никогда не стал таким же любителем полей, как мои отец и дед. Вот что произошло вместо этого:

Я стал тайным читателем. Приезжая на каникулы из интерната, я тайком пробирался к себе в спальню с книжкой, постыдно игнорируя подходящие мне прогулки на свежем воздухе, в полях. И когда я всерьез стал изучать биологию в школе, меня

привлекал к ней все тот же книжный интерес. Я задавался вопросами, которые взрослые назвали бы философскими. В чем смысл жизни? Откуда мы взялись? С чего все началось?

Семья моей матери родом из Корнуолла. Моя бабушка по материнской линии, Конни Уэрн, родилась в семье потомственных врачей: ее отец, дед и прадед принимали пациентов в городе Хелстоне (в детстве я представлял себе их всех как доктора Ливси из “Острова сокровищ”). Она была убежденной патриоткой Корнуолла, называла англичан иностранцами и жалела, что родилась слишком поздно, чтобы говорить на ныне вымершем корнском языке, но рассказывала мне, что в годы ее детства старые рыбаки из Маллиона могли понимать бретонских рыбаков, “приплывавших таскать наших крабов”. Бриттские языки — валлийский (живой), бретонский (вымирающий) и корнский (мертвый) — представляют собой сестринские виды на эволюционном древе языков. Некоторые корнские слова сохранились в корнуолльском диалекте английского, например *quilkin* вместо *frog* (“лягушка”). Бабушка неплохо владела этим диалектом, и мы, ее внуки, регулярно уговаривали ее читать нам наизусть восхитительный корнуолльский стишок про мальчика, проглотившего сливовую косточку. Однажды я даже записал ее декламацию на магнитофон, но запись впоследствии куда-то потерялась, о чем я горько сожалею. Через много лет Гугл помог мне найти это стихотворение¹, и, читая его, я живо вспоминаю, как бабушка произносила его строфы своим скрипучим голосом.

Такой поднялся шум и гам, что и представить тяжко,
 Когда сын Бена Трембы взял и проглотил костяшку².
 Добро бы вовсе проглотил, со многими бывало:
 Костяшка в горло не прошла и в глубине застряла.

¹ Из книги: *Randigal Rhymes*, ed. JOSEPH THOMAS. Penzance: F. Rodda, 1895.

² Слово *bully* на корнуолльском диалекте означает гальку, но бабушка говорила, что имеется в виду сливовая косточка, — и это логичнее.